

Расположенный в западной части Владения Акации, город Кабро граничил с Владениями Снежной Сосны и Тсуги, представляя собой неприступную пограничную крепость на стыке трех земель.

Возведенная еще во времена основания королевства, эта твердыня изначально принадлежала роду Снежной Сосны, и ее охраняли сотни пограничных треантов. Однако в годы междоусобиц, когда великий дом пришел в упадок, а лесные исполины поспешили в столицу для защиты от огненных демонов, правители Акации и Тсуги воспользовались моментом и силой захватили эти земли.

Когда война утихла, а власть сменилась, ослабленное Владение Снежной Сосны уже не имело сил вернуть утраченное. Завоеватели же быстро рассорились при разделе добычи и едва не сошлись в междоусобной схватке. В итоге Лорд Акации оказался хитрее: подавив соперника военной мощью, он прибрал к рукам большую часть спорных территорий.

Кабро стоял на неприступной круче; единственная дорога к нему вилась по крутым, опасным склонам. Городские кварталы ютились у самого края пропасти. Здесь не было каменных стен — их заменяли вытянутые к небу дозорные башни и треугольные барбаканы.

Во времена Снежной Сосны склоны ущелья покрывал густой, непроходимый лес. Сотни пограничных треантов, несших здесь службу, были грозной силой. Без подавляющего численного перевеса пробить их оборону казалось невозможным, а потому в крепостных стенах попросту не было нужды.

Сменив хозяев, крепость приняла рыцарей Акации. Полагаясь на отвесные скалы как на естественную преграду, новые владельцы тоже не стали возводить стен. Они лишь надстроили несколько зданий, увеличив высоту дозорных вышек и стрелковых гнезд.

С наступлением сумерек на улицах вспыхнули огни. Тысячи факелов, рассыпанных по уступам, озарили спящую цитадель теплым неровным светом.

На центральной городской площади высилось каменное изваяние Лорда Акации с мечом в руке.

Прежде на этом постаменте стоял памятник Лорду-основателю Снежной Сосны, оберегавший форпост на протяжении тысячелетий. Но стоило захватчикам войти в город, как гражданский правитель велел сбросить древнюю фигуру, заменив ее своим господином. Хуже того, каменные обломки старой статуи по его приказу пустили на мощение дорог, чтобы горожане и кони ежедневно топтали их ногами.

— Обещанный род, трусливая кровь — у них нет права на вечную славу.

Это случилось несколько десятилетий назад. Тот гражданский правитель давно пошел на повышение в столицу, но оставленная им статуя и мостовая из осколков по-прежнему служили немой, позорным клеймом для семьи Снежной Сосны.

С заходом солнца вокруг площади разожгли огромные квадратные костры. Их яростное пламя, сливаясь с блеском факелов, заливало Кабро ослепительным светом, разгоняя ночную тьму.

Совсем недавно Лорд Акации объявил общий сбор. Тысячи рыцарей стягивались к рубежам, готовясь к разрушительному вторжению во Владение Снежной Сосны.

Не будь Равнинный город наглухо закрыт, лучшего плацдарма для удара было бы не сыскать. Но теперь там хозяйничали треанты, руины поросли кровожадными ландышами, а под их бутонами вились проворные лозы, превращая некогда оживленный тракт в смертельную западню. Даже самые опытные воины не решались ступить в эти владения.

Вся лавина собранного войска хлынула в Кабро. Солдаты разбивали лагерь прямо на каменистых улицах, томясь в ожидании боевого клича.

Крестьян из окрестных деревень согнали за крепостные стены силой. На их плечи легла вся черная работа: они ставили шатры, готовили похлебку, до блеска натирали чужие доспехи, чистили конюшни и засыпали овес прожорливым боевым скакунам.

У замученных бедняков не оставалось ни минуты на передышку, но никто не смел жаловаться. Горделивые воины славилась крутым нравом, и даже их оруженосцы помыкали крестьянами как скотом — за малейшую оплошность грозила жестокая порка.

Выдержав очередной бесконечный день, они возвращались в тесные, душные палатки, где их ждали лишь черствая горбушка хлеба да пахнущее псиной рваное одеяло.

Наспех проглотив скудный ужин, крестьяне забывались тяжелым сном под урчание пустых желудков. Вскоре над убогим лагерем воцарилась глухая тишина.

На центральной площади, напротив, вовсю гремело буйное веселье.

Костры полыхали до небес. Рыцари, сбившись в кучу, жадно рвали зубами сочащееся жиром мясо и глушили мутный дешевый эль прямо из бочонков.

В алом свете пламени извивались полтора десятка соблазнительных танцовщиц. Полуобнаженные, несмотря на зимнюю стужу, они дразнили хмельной взгляд округлыми бедрами и белизной нежной кожи. Девы кружились босиком по обледенелой земле, и серебряные браслеты на их щиколотках звенели в такт безумному танцу.

Во хмелю воины теряли всякий стыд: пожирали красавиц масляными глазами, выкрикивали

сальные шутки и кривлялись у костров.

Один из рыцарей потянулся загребущей лапой к подолу пролетавшей мимо девы, но товарищ тут же дернул его за рукав:

— Сдурел? Жить надоело?

Почти все бродячие танцовщицы в этих краях были полуводяными демонами. Их плоть и дыхание источали смертоносный яд, и мимолетная ласка могла обернуться безумием или мучительной гибелью.

— Подумай о нашем Лорде!

Хоть столичная знать и пыталась замять дело, слухи о безумии Лорда Акации уже разлетелись по всем уголкам королевства.

Рыцари присягали на верность Владению Акации и сражались за своего Лорда, но это вовсе не означало, что они лишены здравого смысла и не способны отличить правду от слухов.

Рыцари присягали на верность этим землям и готовы были сражаться за своего господина, но они не были дураками и прекрасно понимали, что дыма без огня не бывает.

Предостережение подействовало как ушат ледяной воды. Хмель мигом выветрился из головы незадачливого ухажера, и он испуганно отпрянул.

Но демоница и не думала уходить. Приподняв тончайший шелк, она продолжала кружиться перед ним, увлекая в гипнотический танец. Сквозь полупрозрачную вуаль на миг промелькнула хищная ухмылка, обнажив острые, как у акулы, зубы.

— Забирай и проваливай, — прохрипел побелевший воин, вытаскивая кошель.

Покрывшись липким потом, он вытряхнул на ладонь несколько блестящих золотых. Скрепя сердце и проклиная жадность нечисти, рыцарь поспешил откупиться, лишь бы убрать прочь это смертоносное создание.

— Благодарю вас, щедрый господин, — пропела полуводяная дева.

Сгребая монеты когтистыми пальцами, она кокетливо подмигнула бедолаге. Но вместо вожделения тот ощутил лишь ледяную жуть. Связываться с их породой соглашались разве что совсем безумные храбрецы.

Лютнисты и флейтисты затянули тягучую, дурманящую мелодию. Сладкие звуки туманили рассудок гостей, заставляя их без сожаления расставаться со звонкой монетой.

Танцовщицы скользили меж столов, их влажные взгляды сулили неземное блаженство. Под масками же их губы кривились в страшном оскале, готовом в любой момент сомкнуться на горле жертвы.

Праздник понемногу угасал. Пустые пивные бочки сиротливо валились набок.

Замертво пьяных рыцарей, потерявших человеческий облик, оруженосцы уволакивали в палатки за руки и за ноги.

На опустевшей площади воцарился разгром: обглоданные кости, битая посуда и лужи пролитого пойла.

Музыканты наспех попрятали инструменты в чехлы, а девушки, собрав богатую дань, поспешили к фургонам. Добыча превзошла все ожидания, и теперь следовало убираться, пока хмель не выветрился из голов суровых воинов и те не передумали.

— Вытряхивайте все! Живо! — приказал долгоязыый, иссохший вожак по имени Иго. Поношенный плащ болтался на его тощих плечах, отчего мужчина походил на сухую веху.

С неохотой забравшись в повозку, танцовщицы развязали пояса и стали сбрасывать золотые в кованный ларь.

От звонкого ручья монет у Иго загорелись глаза. Он любовно выудил одну, дунул на нее, прислушался к тонкому пisku металла и довольно причмокнул.

— Колдовское золото! Какая редкость!

Но стоило ему потянуться к сокровищам, как девы переглянулись. В то же мгновение цепкие бледные руки сомкнулись на его шее, повалив на дощатый пол повозки.

— Решил прикарманить все и сбежать, Иго? — шатенка нависла над ним, вонзая длинные острые когти в кожу у самого его глаза. — Ты обещал, что когда мы набьем золотом десять сундуков, ты разорвешь контракт и отпустишь нас на волю.

Они годами скитались по пыльным дорогам чужих земель, мечтая лишь об одном — вернуться к родным берегам. Истинным домом для них всегда было море.

— Мы принесли тебе вдвое больше, целых двадцать сундуков! Пора бы и честь знать, жадность никого до добра не доводила. Нарушишь слово — и мы разорвем твою грудь, вырвем сердце и

сожрем его, даже если в твоих жилах течет кровь нашей расы!

Ледяное дыхание обжигало лицо вожака, заставляя его дрожать от подлинного ужаса.

— Не надо! Я исполню обещание! Все сделаю! — взмолился Иго, бледнея от мысли, что разъяренные бестии разорвут его прямо здесь. — Прямо сейчас разорву договор! Если хотите, я сам отвезу вас на побережье!

Против двенадцати озлобленных полуводяных демонов у него не было ни единого шанса. Они растерзали бы его в клочья за пару вдохов.

Иго мог попытаться использовать силу контракта, но риск был слишком велик. Когда смерть дышит в лицо, любые хитрые планы летят к чертям.

— Попробуй только обмануть, — прошипела шатенка, и ее острые клыки замерли в волоске от его яремной вены.

— Клянусь всеми богами, я сдержу слово! — взвизгнул он.

Прежде Иго не раз обводил доверчивых дев вокруг пальца, откладывая свободу под надуманными предложениями. Но сейчас лимит их терпения был исчерпан. Либо свобода, либо его кишки украсят этот фургон.

Пытаясь доказать свои намерения, Иго дрожащими руками извлек из-за пазухи свиток пергамента и при них порвал его в клочья, расторгая вековые путы. Затем высунулся в окно и заорал кучеру:

— Гони во Владение Терновника! К морю!

Музыканты во втором фургоне как раз делили засохший хлеб и остатки остывшего окорока. Услышав хриплый крик вожака, они застыли, не веря ушам.

«Во Владение Терновника? Но ведь мы должны были ехать в следующую крепость!»

«Иго решил отказаться от легкой наживы?»

— Чтобы этот ненасытный ублюдок отказался от золота? Верно, девчата прижали его к ногтю, — усмехнулся старый лютнист.

Музыканты переглянулись и согласно закивали.

Надвигалась кровавая бойня между Акацией и Снежной Сосной. Иго жаждал набить карманы на мародерстве и военных поставках, но простые бродяги вовсе не горели желанием ложиться в общую могилу.

— Лорд Акации собрал несметную рать. Только здесь, в Кабро, стоит больше двух тысяч отборных всадников. Владению Снежной Сосны конец, — вздохнул один из флейтистов.

— Очередная грызня за земли и золото, — сплюнул его сосед. — Нам-то какое дело, чья голова слетит с плеч?

За долгие годы скитаний они насмотрелись на алчность и жестокость сильных мира сего.

Судьба аристократов их не трогала. Гораздо важнее было то, отпустит ли наконец этот прохвост несчастных дев.

— Побиться об заклад, что ли? — предложил молодой барабанщик.

— Не надо, — покачал головой пожилой мужчина напротив, бережно баюкая семиструнную лютню. Он мягко коснулся струн. — Грех шутить над девичьим горем. Негоже это.

В повозке воцарилось тяжелое, давящее молчание.

Иго был гнилым человеком до мозга костей — прирожденным лжецом и безжалостным кукловодом. Унаследовав крупицу магии от матери-демоницы, он годами завлекал доверчивых девушек в кабалу. На его совести лежали жизни сотен погубленных полуводяных дев.

Музыканты тоже не по своей воле делили с ним хлеб: коварный вожак опутал их нерасторжимыми контрактами. Нарушение договора грозило лютой карой — медленным увяданием в невыносимых муках до самого гроба.

Грустные аккорды неслись над заснеженными скалами. Старинный напев, лишенный привычного веселья, оплакивал утерянную свободу, нашептывая о тоске и безысходности.

Тем временем в первом фургоне Иго, усыпив бдительность пленниц сладкими речами, улучил момент. Извернувшись ужом, он вырвался из цепких рук, откатился к углу и с силой дернул за свисающий с потолка потайной шнур.

Почуввав неладное, две девы бросились на него. Одна мертвой хваткой вцепилась в локоть предателя, вторая располосовала ему грудь когтями и попыталась вонзить клыки в горло.

Клубок из трех тел вывалился из фургона, тяжело рухнув на мерзлую землю.

С металлическим лязгом из пазов выскочили тяжелые железные решетки, намертво заперев остальных демониц внутри повозки.

Лицо Иго исказилось от ярости. Высвободив свободную руку, он выхватил спрятанный за поясом кинжал и по рукоять вонзил его в нападавшую девицу.

Брызнула темная кровь. Ранёная бестия взвизгнула от боли; капли яда сорвались с ее клыков, но полукровке они не могли причинить вреда — его защищала собственная оскверненная кровь.

— Твари неблагодарные! — взревел Иго, зажимая ладонью кровоточащую рану на шее.

Ударом сапога он отшвырнул покалеченную девушку в сугроб. Вторую поймал за горло и безжалостно вогнал лезвие ей в плечо. Алая струя залила легкий полупрозрачный наряд бедняжки.

— Я вытащил вас из нищеты! Я кормил вас! Вы должны по гроб жизни пахать на меня как рабыни! И вы еще смеете скалиться? Я продам вас самым диким полужверям, сгною в ямах, вы у меня кровью харкать будете!

С этими словами он швырнул израненную пленницу на землю и принялся жестоко избивать ее ногами. Снег вокруг стремительно окрашивался в багровый цвет.

Запертые в клетке девы кричали, сыпали проклятиями и молили о пощаде, но в груди Иго не было жалости. Лишь безумный, торжествующий хохот срывался с его губ, а удары становились все яростнее.

— Вот что бывает с предателями! — беснуясь, орал он.

Посреди его триумфа на землю внезапно легла гигантская, чернильно-черная тень.

Огромный демонический дракон величаво скользил по ночному небу. Кожистые крылья заслонили звезды, сея вокруг первобытный ужас. На широкой спине чудовища стоял молодой юноша в тяжелом дорожном плаще; глубокий капюшон скрывал его лицо, оставляя видимыми лишь четко очерченный подбородок и плотно сжатые губы.

Иго задрал голову. Сердце ушло в пятки, и он невольно попятился, скованный ледяным страхом.

— Спасите! Пожалуйста, спасите нас! — из последних сил простонала лежащая на снегу дева. Ей было неизвестно, кто этот всадник — быть может, монстр похуже Иго, — но это был их единственный шанс выжить.

— Заткнись, мразь! — взвизгнул вожак.

Он с размаху наступил сапогом на спину несчастной, вдавливая ее в ледяную кашу. Каблук с хрустом пополз по сломанным ребрам, окрашивая подошву в алый цвет.

— Благородный господин, не слушайте её бредни. Эти грязные полуводяные демоны ядовиты, они лишь осквернят ваш слух.

— Мой благородный лорд, не слушайте эту тварь! Эти полуводяные бестии лживы и полны яда, они лишь осквернят ваш слух!

— Иго, убийца! Лжец! Чтоб ты сдох в муках! — иступленно бились о прутья решетки запертые девы.

Вожак злобно зыркнул на кучера, безмолвно приказывая уводить лошадей, но тот внезапно послушался. Спрыгнув с козел, возница бросился к засову клетки, пытаясь выволить несчастных пленниц.

Дракон медленно кружил над трактом, не спеша снижаться. Юнь Фэй равнодушно взирал на развернувшуюся внизу мышиную возню, подмечая каждую деталь.

Внутри у вожака все похолодело. Дурное предчувствие липкими лапами сжало его горло.

— Значит, ты обманул этих дев? — раздался сверху негромкий, но отчетливый голос юноши.

— Вовсе нет! — поспешно заверещал Иго, брызжа слюной. — Я вытащил этих побирушек из нищеты, дал им хлеб и крышу над головой! А они отплатили мне черной неблагодарностью и пытались зарезать! Они просто дикие звери!

— Лжет! Все до единого слова — ложь! — захлебываясь кровью, крикнула раненая. — Он заманил нас коварством и сковал проклятым контрактом! Мы принесли ему горы золота, выполнили все условия, но он запер нас в клетку и хотел продать полузверям! Господин, клянусь своей душой, он предатель и вор!

— Сдохни, сука! — взвыл Иго и замахнулся сапогом для нового удара.

Но тут из соседнего фургона попрыгали музыканты. Двое мужчин намертво вцепились в беснующегося вожака, а остальные торопливо потащили раненых танцовщиц в сторону, укрывая от его ярости.

— Терпеть не могу лжецов, — ледяным тоном произнес Юнь Фэй. Эта грязная сцена разбередила в его памяти старые раны, и в глазах юноши вспыхнул опасный огонь.

Демонический дракон издал оглушительный рев, обнажив частокол острых, как ятаганы, зубов.

От этой первобытной мощи у Иго подкосились ноги. Он застыл соляным столпом, разинув рот в беззвучном крике ужаса.

Музыканты, подхватив окровавленных дев под мышки, изо всех сил бросились наутек, спасая свои жизни.

Стоило им отбежать на безопасное расстояние, как с небес хлынул поток черного всепожирающего пламени. Адский огонь накрыл Иго с головой — мерзавец даже пикнуть не успел, как рассыпался черным пеплом.

— Драконе пламя!.. — благоговейно прошептал старый музыкант, оседая на колени.

Крылатый ящер сердито хлопнул крыльями, явно обиженный таким сравнением.

Он был гордым демоническим драконом, древним порождением Бездны, а не какой-то там ящерицей-переростком из тех расфуфыренных, разноцветных тварей!

Разумеется, напуганные бродяги не смыслили в драконьих породах. Завидев, что исполин опускается прямо на них, они окончательно лишились сил и повалились в снег, трясаясь от страха.

— Ты так не любишь обычных драконов? — с любопытством спросил Юнь Фэй, уловив через нить контракта обиду своего скакуна.

— Мы заклятые враги. Все до единого! — прорычал в его разуме ящер.

— И никакого мира быть не может?

— Никогда!

Тон зверя исключал любые споры. Вспомнив об обещании, данном Королю эльфов, Юнь Фэй невольно поморщился. У него намечались серьезные хлопоты.

Впрочем, Владыка Эльфийской долины заплатил столь щедро, что отступать было поздно — слово Лорда Снежной Сосны кремнисто. К счастью, замок был огромен, а преданные лозы бдели круглые сутки; как-нибудь удастся расселить ящеров по разным углам, не дав им сцепиться в смертельной схватке.

Пока юноша размышлял, ветер развеял серый пепел на тракте, обнажив бледный силуэт новорожденного мертвого духа.

Призрак в точности повторял черты Иго. Его искаженное злобой лицо поплыло, и тварь издала истошный, леденящий душу визг.

Люди и демоницы судорожно зажали уши руками, но потусторонний крик проникал прямо в разум, выжигая рассудок. Две раненые девы забились в судорогах — из их слуховых проходов заструилась темная кровь, а белки глаз мгновенно полопались.

От этой какофонии у Юнь Фэя разболелась голова. Коснувшись татуировки контракта на запястье, он волевым усилием извлек недовольного мертвого духа и указал вниз:

— Схвати его.

Тотчас обратившись клубящимся черным вихрем, старый дух с завыванием ринулся на новобранца.

Но призрак Иго сохранил всю прижизненную изворотливость. Он ловко уворачивался от когтей преследователя и то и дело порывался броситься на беззащитных беглецов, надеясь утащить их за собой за грань жизни.

Терпение Юнь Фэя лопнуло. По его знаку дракон рухнул вниз. Юноша перегнулся через крыло, железной хваткой поймал вертлявую тень и, сжав кулак, заставил вспыхнуть багровое пламя магии. Раздался глухой хлопок — новорожденного призрака разорвало на куски.

Однако сущности Бездны не знали окончательной смерти. Ошметки тумана вновь потянулись друг к другу, срастаясь воедино, хотя окутывавшая духа аура заметно поредела и поблёкла.

— А-а-а! — вновь заверещал упрямый дух.

Юнь Фэй даже бровью не повел. Очередной замах — и призрак снова лопнул, как мыльный пузырь.

Мертвец выл — юноша давил его без тени жалости. Снова и снова.

Спустя полдюжины таких казней силуэт некогда свирепого вожака стал почти прозрачным. Магическая сила иссякла, остатки разума выветрились, превратив его в безмозглую послушную куклу.

Свидетели этой безжалостной расправы затаили дыхание.

Музыканты замерли, распластавшись на палубе фургона и боясь даже вздохнуть. Полуводяные девы столпились у решетки, вцепившись бледными пальцами в железные прутья; в их глазах плескался священный трепет перед неведомой силой.

Наблюдая, как побежденные призраки покорно втягиваются в клеймо на руке хозяина, дракон ощутимо вздрогнул. В его звериную душу закралось нехорошее предчувствие.

«Только бы он не прознал о моей тайне...»

«Если этот монстр докопается до правды, мне из этой кабалы вовек не выбраться!»

Разобравшись с мятежной душой, Юнь Фэй небрежным взмахом руки обрушил на повозку волну чистой магии. Прочные железные прутья клетки разлетелись со звонким хрустом.

Обретшие свободу девы бросились к спасителю, желая пасть ниц и вознести слова благодарности, но крылатый ящер уже взмыл в темное небо, растаяв в холодных потоках ветра.

— Он держит путь в Кабро? — тихо спросила одна из танцовщиц, кутаясь в шаль.

Спустившись на истоптанный снег, они долго всматривались в ночную высь, ловя взглядом удаляющийся силуэт крылатого владыки. Лишь когда небосвод окончательно поглотил очертания демонического дракона, девы опустили головы.

— Наш путь лежит в Город Белых Кораблей. Там мы найдем судно и навсегда покинем эти земли, — твердо произнесла старшая из них.

Золота, оставшегося после безвременно ушедшего Иго, было предостаточно. Честно разделив добычу с музыкантами, они все равно оставались богачками — этих денег с лихвой хватало на покупку добротной шхуны.

Немного поспорив, бродячие артисты согласились забрать свою долю и разойтись с миром.

А вот возница первого фургона наотрез отказался бросать девушек и вызвался править их лошадьми до самой гавани.

— Прощайте! Пусть море хранит вас! — махали руками полуводяные девы.

Освободившись от рабских оков, они не замечали ни ночного холода, ни ноющих ран. Их прекрасные лица светились искренним, чистым счастьем.

— Доброго пути! — вторили им музыканты.

Крупные хлопья снега медленно опускались на дорогу. Колеса скрипели по насту, и две повозки покатались в разные стороны, увозя пассажиров навстречу новой судьбе.

Тем временем огромная грозная тень бесшумно рассекала ночную высь, приближаясь к Кабро. А за неприступными уступами крепости рыцари Акации мирно спали в своих шатрах, даже не подозревая, какая кара летит к ним на крыльях ночи.

<http://bllate.org/book/18992/1979262>